

ПЯТАЯ ГОЛОВА
ЦЕРБЕРА

*Когда плюща побеги под снежной пеленой,
Лишь филин ухаёт почти над головой,
Пока волк жрет волчат своих.*

Сэмюэль Тейлор Кольридж,
«Сказание о Старом Мореходе»

Когда я и мой брат Дэвид еще были детьми, нас заставляли ложиться в постель рано, не спрашивая на этот счет нашего мнения. Летом такое случалось особенно часто, и время сна наступало порой еще до захода солнца; а так как наша общая спальня размещалась в восточном крыле здания и широкие окна, выходявшие во двор, были обращены к западу, жесткий розовато-красный свет струился по комнате целыми часами, пока мы лежали, наблюдая за пострадавшей от отцовских опытов обезьянкой, что корчила смешные рожи на парапете, или беседуя друг с другом на языке жестов.

Спальня находилась под самой крышей, а ее окна были снабжены коваными железными ставнями, открывать которые нам воспрещалось. Вероятно, причиной запрета были опасения, что в одно дождливое утро (когда только и могли мы надеяться, что разбитый на крыше сад наконец-то опустеет) взломщик сбросит вниз веревку и проберется внутрь. Конечно, в намерения этого гипотетического вора, отличавшегося, надо признать, изрядной отвагой, не входило бы просто выкрасть нас. Дети, будь то мальчики или девочки, в Порт-Мимизоне ценились невысоко; я знал

об этом со слов отца, который тоже когда-то торговал ими, а потом забросил это дело, не приносявшее прибыли. Ходили слухи — не знаю, сколько в них было правды, — что в городе работает некий специалист очень высокого класса, способный удовлетворить, за соответствующее вознаграждение, почти любую прихоть заказчика, в частности, доставить ему в считанные часы смуглую рыжеволосую худышку или такую же толстушку, а может, светловолосого мальчика вроде Дэвида или же бледного, темноволосого, кареглазого, каким был я. Дети бедняков или просто равнодушных к своим отпрыскам родителей составляли его основную добычу.

Однако тот воображаемый смельчак, который бы дерзнул выкрасть нас, не мог бы рассчитывать на выкуп, даром что во многих кварталах города мой отец пользовался славой исключительного богача. Причины этого были разнообразны. Начать с того, что немногим вообще было известно о нашем существовании, а те, кто знал, искренне считали, что отцу мы безразличны. И вновь я затрудняюсь сказать, насколько были эти слухи близки к истине. Во всяком случае, отец ни одним своим поступком не дал мне повода опровергнуть их, хотя в те времена я, конечно, еще не помышлял о том, чтобы убить его. Если же и эти соображения не кажутся вам достаточными, примите во внимание, что всякий, кто понимает общество, где он стал, возможно, наиболее постоянным элементом, осознал бы, что, уже вынужденный давать большие взятки тайной полиции, он останется открыт перед тысячей подобных атак, единожды поддавшись вымогательству. Это, да еще страх, в котором он наверняка жил, и стало, полагаю, основной причиной, по которой нас так никогда и не украли.

Железный ставень (в той самой детской спальне, где я сейчас пишу эти строки) выкован в форме асимметричного ивового куста, и в моем детстве он часто зарастал серебристой бругмансией (давно выкорчеванной). Мне тогда хотелось, чтобы бругмансия наконец закрыла окно полностью и впредь заслоняла бы от нас солнце, когда мы силились уснуть, но этого так и не произошло, потому что Дэвид, чья кровать стояла у окна, то и дело отламывал ее ветви и делал себе из четырех-пяти штук свирель. Пение свирели, становившееся все громче, в конце концов привлекало внимание нашего наставника Мистера Миллиона. Мистер Миллион всегда появлялся в комнате как бы из ниоткуда, совершенно бесшумно, катаясь на широких колесах по щербатому полу, пока Дэвид притворялся заснувшим. Свирель Дэвид благоразумно прятал под подушку, в стол или даже под матрац, однако Мистер Миллион всегда находил ее и отнимал. Я так и не удосужился выяснить, что потом происходило с этими свирельками, отобранными им у Дэвида, — до самого последнего дня, хотя в тюрьме, слушая рев ветра или пурги за стеной, я занимал свой разум тем, что пытался разрешить эту загадку. Мистеру Миллиону не было свойственно стремление что-то сломать, выбросить, уничтожить — не мог он, значит, поступить так и с этими безделушками, разломив их или выкинув через окно в патио. Я очень хорошо представляю себе то смешанное с сожалением выражение, которое отображало лицо на его головном экране (в тот момент очень напоминавшее лицо отца), когда он вытаскивал свирельки из тайника, затем разворачивался и выплывал из комнаты. А что же он делал с ними затем?

Вчера я наконец вспомнил. Мы с ним проговорили некоторое время, а когда я смотрел ему вслед, наблюдая

за его плавным, неспешным, но неудержимым перемещением к дверному проему, мне показалось, что нечто, какая-то характерная для давних лет деталь, исчезло бесследно. Я смежил веки и постарался как можно тщательнее припомнить, что же это могло быть, заранее отбросив всякие скептические настроения, и в конце концов доискался его: то был краткий металлический просверк над головой Мистера Миллиона.

Как только я это понял, то сразу догадался, с чем эта вспышка могла быть связана: то было краткое движение металлической руки вверх, словно он салютовал мне на прощание. Более часа я строил дальнейшие догадки относительно смысла такого жеста и пришел к малопродуктивному выводу, что, в чем бы он ни состоял, время стерло все его мотивы. Я попытался припомнить, не было ли в не столь уж отдаленном прошлом в коридоре, смежном с нашей спальней, каких-то ныне исчезнувших предметов: занавески, шторы, жалюзи, какое-то бытовое устройство, которое требовалось включить перед уходом, в общем, что-то, могущее объяснить этот жест. Но там не было ничего. Тогда я вышел в коридор и подверг тщательному осмотру пол и все следы, что на нем оставляла мебель, затем попробовал обнаружить крючки или гвозди, вбитые в стены за старыми гобеленами. Я задрал голову и осмотрел антресоли и потолок. И наконец, по истечении почти часа поисков, я оглядел саму дверь и заметил то, чего не замечал, проходя здесь тысячи раз прежде: как и все остальные двери в этом очень старом доме, эта состояла из сколоченных между собой панелей, и одна из них, игравшая роль притолоки, выступала из стены достаточно далеко, чтобы образовалось нечто вроде полочки.

Я вытащил в прихожую кресло и забрался на него. Полочку покрывал густой слой пыли, а в нем были погребены сорок семь свирелек моего брата и еще какая-то чудная мешанина маленьких предметов. Некоторые из них я помнил отчетливо, но о других был бессилен извлечь хоть какую-то информацию из недр своего сознания... Вот голубоватое в коричневую крапинку яйцо синей певчей птички, свившей гнездо у нашего окна — вероятно, кто-то из нас с Дэвидом разорил гнездо лишь затем, чтобы добыча в конце концов была конфискована Мистером Миллионом, но я этого эпизода совершенно не помню. А вот и сломанная головоломка, похожая на скопированное в бронзе переплетение внутренних частей какого-то маленького животного; и еще одно чудесное воспоминание посетило меня, когда я увидел ключ — один из тех огромных, покрытых причудливой инкрустацией ключей, которые продавались ежегодно и давали в течение этого года своему обладателю право посещать определенные комнаты городской библиотеки после ее закрытия. Я предположил, что Мистер Миллион отобрал его у меня, обнаружив, что мы используем его как игрушку. Но как прекрасны теперь эти воспоминания!

Я знал, что у отца есть собственная библиотека, перешедшая ныне в мою собственность, но входить туда не имел права. Я смутно припоминаю, как стоял перед высоченной резной дверью, но не могу представить, как мал был тогда. Пока я глядел на нее, дверь распахнулась, изувеченная маргышка на плече моего отца прижалась к его ястребиному лицу, а ниже я увидел черный вязаный шарф и красный домашний халат. Еще дальше были бесчисленные стеллажи, уставленные книгами и заваленные исчерканными блокнотами, а за

вертящимся зеркалом располагалась лаборатория, откуда шел отвратительный запах формальдегида. Я не могу припомнить, что он сказал и кто получил взбучку в тот раз — я или кто-нибудь еще, но отчетливо помню, как дверь закрывается, и одетая в розовое женщина, согнувшись так, чтобы ее прекрасное лицо оказалось на одном уровне с моим, заверяет меня, чтобы я не смел сомневаться, что все эти книги написаны моим отцом.

Как я уже сказал, нам с Дэвидом воспрещалось заходить туда; но, как только мы чуть подросли, Мистер Миллион начал дважды в неделю устраивать нам экскурсии в городскую библиотеку. Это были чуть ли не единственные случаи, когда нам было дозволено покидать дом, и поскольку наш наставник не любил втискивать суставчатые сочленения своего корпуса в машину, взятую напрокат, а веса его туши не выдержал бы ни один портшез, прогулки совершались пешком. Таким образом, в течение довольно долгого времени дорога в библиотеку оставалась единственной известной мне частью города. Пройти три квартала вниз по Салтимбанк, улице, на которой стоял наш дом, повернуть направо на рю д'Астикко, прямо к рынку рабов, за ним миновать еще квартал — и мы у библиотеки. Ребенок, затрудняющийся различить необыкновенное и обыденное, как правило, воспринимает самые невероятные вещи совершенно спокойно и находит особый интерес в том, чему взрослый не уделил бы никакого внимания; и так мы, будучи очарованы залежами фальшивого антиквариата в кишачищих мошенниками дебрях рю д'Астикко, скучали, когда Мистер Миллион неизменно задерживался не менее чем на час на рынке рабов. Он был невелик, ведь Порт-Мимизон не считается крупным торговым центром; между торговцами

и их товаром часто существовали самые дружественные взаимоотношения, благодаря которым рабы переходили от одного владельца к другому, ни о чем таком не подозревавшему, а в промежутках снова и снова возвращались к своему изначальному обладателю. Мистер Миллион покупал нам жареный хлеб, и мы грызли его, нетерпеливо постукивая пятками одна о другую, пока он пристально смотрел на базарную толпу, неподвижный, безмолвный, выглядывая в ней что-то известное только ему одному. А были там носильщики портшезов, чьи ноги бугрились узловатыми мускулами, баншики, с которых пот лил ручьями, закованные в кандалы гладиаторы, чьи глаза туманились дурманной дымкой или сверкали бессильной яростью, повара, слуги и сотни других. Но нам с Дэвидом все они были неинтересны, мы тяготились ожиданием минуты, когда сможем снова направиться в библиотеку.

Это величественное здание, выстроенное без оглядки на затраты в те давние времена, когда французский был официальным языком колонии, прежде занимали многочисленные правительственные учреждения. Парк, изначально окружавший ее, был трудами коррумпированных чиновников сведен подчистую, и теперь библиотека господствовала над окружающими лавчонками и постояльями дворами. Узкий стреловидный переход вел нас к парадным дверям. Стоило оказаться внутри, и вся безобразная нищета куда-то исчезала, растворяясь в порядке обшарпанном, но несомненном великолепии. Главный зал был увенчан куполом. Вдоль стен самого купола обвивался спиральный балкон, уставленный основными книжными фондами. Все это богатство уходило ввысь не менее чем на полтысячи футов, и самый малый осколок каменного неба мог